

— Лоу Юйцзэ подвергся домогательствам.

Слова эти, словно камень, брошенный в пруд, подняли волну в трактире «Дымка и дождь». У всех посетителей будто что-то ёкнуло внутри, и взоры устремились на крикуна. Тот, мужчина с лицом, будто выточенным из нефрита, стоял с ртом, раскрытым так широко, что, казалось, туда можно было впихнуть утиное яйцо, и смотрел ошеломлённо на сидевшего напротив. Гости тут же принялись разглядывать его собеседника. Тот тоже был одет как учёный муж, в синие одежды с вышитыми на рукавах узорчатыми облаками, но лицо имел хищное и неприятное, самое что ни на есть воплощение «потери благородства», как говаривали книжники.

Сидевший напротив, замечая всеобщее внимание, ничуть не смутился и лишь усмехнулся. — За горами горы, за домами дома, чего уж тут удивляться.

Нефритоволицый ещё не успел прийти в себя и расспросить товарища, как с другого стола не выдержали. — Не городи чепухи! Лоу Юйцзэ — первый умник столицы, первый красавец, само божество! Кто посмеет? — Образ того был столь возвышен, что даже нечистый взгляд, брошенный в его сторону, считался бы осквернением.

Прочие посетители трактира дружно закивали. — Верно, верно! Не может быть! Да быть того не может!

Лоу Юйцзэ прославился в юности. Его белоснежные одежды, на которых не держалась пыль, были подобны недосягаемым облакам, сам же он — воплощение учтивого и благородного мужа, стройный, как бамбук, почти что божество в глазах столичных жителей, красота неопишуемая. К тому же он преуспел и в литературе, и в ратном деле, став живой легендой. Осквернить его — значило бросить вызов самому божеству, а бросивший вызов неминуемо становился врагом всего города.

Синеодетый, хоть и носил учёное платье, учёным не выглядел. Он развалился на стуле, поджав одну ногу, и с насмешливой ухмылкой произнёс, подняв бровь:

— Только что, проходя мимо Врат Цинхуа, я видел господина Цзыжана.

Нефритоволицый поморщился. — К чему ты поминаешь этого никчёмного транжиру? — с неудовольствием спросил он. — Речь о господине Юйцзэ.

Остальные гости согласно закивали.

Чай Цзыжана, которого столичная знать прозвала «Псом Чай», был старшим сыном генерала-основателя, что помог нынешнему императору добыть трон. Пока родители были живы, он был всеобщим баловнем, да и сам не подкачал — в восемь лет снискал славу «вундеркинда», чем несказанно радовал отца с матерью. Увы, счастье длилось недолго. В десять лет Чай Цзыжань осиротел. Император, сжалившись над неразумным отроком, призвал его в тронный зал, дабы оказать поддержку и оградить от притеснений мачехи и сводных братьев.

Говорят, едва Владыка, восседая на высоком троне, бросил на него свой властный взор, как мальчишка тут же обмочился, и лужица расплзлась по золочёной плитке. Само по себе это не было чем-то из ряда вон — дети сановников редко лицезрели императора, и страх перед его величием был делом обычным. Беда же была в том, что Чай Цзыжань перепугался настолько, что, описавшись, принялся дрожать и выложил всю правду о своём «вундеркиндстве».

В восемь лет, на празднике Луны, он якобы сочинил стих «Виноделие». Строфы те не были шедеврами, но для отрока восьми лет — невиданно. Однако стих тот оказался подделкой,

сочинённой подставным лицом. Император, вспомнив, как на смертном одре родители мальчика умоляли его позаботиться о сыне ради заслуг генерала-основателя, пришёл в ярость. Он тут же лишил Чай Цзыжяня титула «вундеркинда» и навеки запретил занимать государственные посты, дабы не мозолил глаза.

Но милость императора безгранична. Считая генерала-основателя братом, он не мог допустить, чтобы сын побратима влачил жалкое существование, и пожаловал титул маркиза его сводному брату.

С тех пор минуло восемь лет, и время доказало, сколь прозорлив был государь. Чай Цзыжань оказался тем ещё недотепой.

Синеодетый, вспомнив недавние проделки Чай Цзыжяня, осклабился и захихикал, едва не задохнувшись. — Так вот у Врат Цинхуа был не только господин Цзыжань, но и господин Юйцзэ.

В трактире воцарилась тишина. Все мысленно представили, что мог натворить этот безумец, столкнувшись с благородным господином Юйцзэ.

Нечто ужасное.

Пока синеодетый продолжал усмехаться, нефритоволицый не выдержал. Он вскочил, вцепился тому в воротник и рывкнул:

— Да говори уже!

Сердца остальных гостей заколотились, и они, затаив дыхание, уставились на них, вторично крича:

— Да говори уже!

Полчаса назад у Врат Цинхуа толпились торговцы и носильщики, толкаясь и спеша попасть в город.

— Дорогу! — пронзительный крик нарушил суматоху. Вперёд вышел юноша в огненно-красном халате, с бело-нефритовым замком Жуи на шее, оттенявшим его алебастровую кожу. Глаза его, чёрные, как мартовский ветер, смотрели уверенно, руки были заложены за спину, а осанка излучала лень.

За ним шёл юный слуга, выкрикивая:

— Расступитесь! Мой господин — брат маркиза Синьу! Кто посмеет преградить нам путь, тому не сдобровать!

В столице, где знатных особ больше, чем собак, простолюдины не смели перечить и поспешно расступились.

Здесь народ, даже самый простой, должен был быть зорким и внимательным. Многие узнали в юноше того самого «Пса Чай» и, хоть и негодовали в душе, уступили дорогу. Старший сын генерала-основателя, вынужденный искать защиты у сводного брата, — зрелище и впрямь редкое.

Один из торговцев, одетый под учёного, с презрением плюнул и пробормотал:

— Выродок. Зря только такая внешность.

Неспешно шествовавший Чай Цзыжань вдруг остановился и обернулся к говорившему. Хищное лицо того не привлекло его внимания, и взгляд его скользнул к соседу обидчика.

Тот юноша был строен и прекрасен, будто орхидея или яшма, а белые одежды его казались столь чистыми, что вот-вот унесут его в небеса. Увидев презираемого всеми «Пса Чай», он не выказал ни капли презрения и лишь слегка кивнул. — Добрый день, господин Цзыжань.

Глаза Чай Цзыжаня вспыхнули, и он замер на месте. — Привет, красавчик Лоу, — произнёс он, а затем обернулся к человеку с хищным лицом. — Привет, мелкий подлец.

— Кхм-кхм! — слуга за спиной Чай Цзыжаня с трудом подавил смешок. Люди, спешившие в город, отпрянули на несколько шагов, наблюдая за странной троицей.

Улыбка человека с хищным лицом, и без того мрачная, стала ещё темнее после слов Чай Цзыжаня. Он резко стряхнул с плеча его руку, собираясь что-то сказать, но Чай Цзыжань уже продолжил с лёгкостью:

— Слышал, Жун Лин вновь провалил государственные экзамены. Эх, жаль! Всего три года прошло с прошлой попытки, и снова неудача. Такой одарённый, а лицо — словно у воришки. Наверняка, кто-то списывал, а его, беднягу, выгнали вместо настоящего виновника.

Столичная система экзаменов сурова: уличенных в мошенничестве изгоняют и лишают права сдавать вновь на три года.

Жун Лин, чьё лицо и без того было землистым, потемнел окончательно. В этом году он экзамены не сдавал, но три года назад всё было именно так, как сказал Чай Цзыжань. Тогда кто-то действительно списывал, экзаменаторы не нашли виновного, а его, Жун Лина, с его неказистой внешностью, сделали козлом отпущения. С тех пор он люто ненавидел любые намёки на ту историю и на свою внешность.

Видя, как лицо Жун Лина искажается от ярости, Чай Цзыжань понял, что нажил себе ещё одного врага. Но что с того? В столице и так все его терпеть не могли. Усмехнувшись, он вновь обратился к Лоу Юйцзэ, чья ослепительная, способная покорить кого угодно красота, сияла белизной. — Красавчик, да у тебя связи от верхов до низов. Не зря ты первый в столице по части знакомств.

<http://bllate.org/book/15931/1423787>